

Московский храм святителя Николая в Кленниках на Маросейке

В статье реконструируется история московского храма святителя Николая в Кленниках на улице Маросейке. Так как в разные века храм назывался по-разному, рассматриваются различные топонимы в связи с привязкой к месту. Дана характеристика служения в этом храме старца в миру святого праведного Алексия и его сына священномученика Сергия Мечёва. Прослеживается преемственность в пастырской деятельности настоятелей Николо-Кленниковской церкви, когда создавалась покаяльная маросейская семья-община.

Ключевые слова: Храм святителя Николая в Кленниках, Маросейская община, покаяльно-богослужебная семья, старец в миру Алексей Мечёв, священномученик Сергей Мечёв.

История Николо-Кленниковского храма, расположенного в самом центре Москвы (ул. Маросейка, 5), уходит своими корнями в далекое прошлое. Первое упоминание о церкви на этом месте относится еще к XV в.: в 1468 г. в память спасения города от пожара Великий князь всея Руси Иоанн III поставил здесь деревянный храм во имя преподобного Симеона Дивногорца. В 1657 г. к нему пристроили Никольский придел, по которому позднее храм и стал называться. В 1690 г. возвели Казанский придел. После сооружения новой колокольни (1749) завершилось формирование архитектурного облика всего ансамбля, несмотря на позднейшие переделки, сохранившегося до сих пор.

Говоря об истории храма, невозможно обойти вниманием и такой факт: в разное время он именовался по-разному. Так, в клировых ведомостях церковей Сретенского сорока за 1775 г. имеется следующая запись: «Церковь приходская во имя Николая Чудотворца,

что в Блинниках, каменная, в твердости, с одним приделом, утварью довольна». А вот опись Сретенского сорока за 1814 г. называет эту церковь уже «Никольской, что в Кленниках».

Подобное разночтение в названии одного и того же храма требует разъяснения, которое мы находим в «Московских церковных ведомостях» за 1901 г., где в нескольких номерах между священниками Г. Холмогоровым и Н. Романским развернулась целая полемика по поводу названия и датировки храма. Священник Г. Холмогоров пишет:

О первоначальном построении сей церкви клировые ведомости говорят так: «Построена означенная церковь 1657 г. неизвестно чьим иждивением, в 1748 г. сгорела, а в следующем построена вновь и освящена преосвященным Гавриилом, архиепископом Устюжским».

Из сохранившихся приходных окладных книг жилых данных церковей патр[иаршего] Казенного приказа видно, что «церковь Николая Чудотворца» – с 1628 по 1694 г., а с 1695 г. – «Казанския Пресв[ятыя] Богородицы», с разными названиями урочищ, а именно: «что на Покровке», «у решетки за Никольскими вороты», «в Блинниках», «в Клиниках», существовала уже в 1628 г., и нет сомнения, что существование ее ранее и позднее означенного года произошло не без изменений как внешнего, так и внутреннего устройства.

В строительных книгах 1657 г. и в клировых ведомостях 1785 г. она именуется церковью Николая чуд[отворца], а в именной переписи 1722–1726 гг. – Казанскою Пресв[ятыя] Богородицы, и во всех случаях значится «каменной».

Из нижеписанного документа мы полагаем, что первоначальное существование сей церкви в том виде, как она до сих пор существует, относится к 1701 г. В частных приходных пошлинных книгах патр[иаршего] Казен[ного] приказа 1701 г. написано: «Августа 24 числа выдан антиминос в новопостроенную церковь святителя Николая чудотв[орца] в Клиниках, взял поп Исидор Никитин». Название урочища «в Клиниках» встречается только в этом документе, «поп» же «Исидор Никитин», упоминаемый неоднократно в книгах патр[иаршего] Казен[ного] приказа как священник означенной церкви, подтверждает, что сей документ относится именно к этой Николаевской церкви «в Блинниках». И откуда, с какого времени причт означенной церкви стал писать в (своих) клировых ведомостях с урочищем «в Кленниках», нигде в старинных документах не упоминается. <...>

Изменение редакции в приход[ских] оклад[ных] книгах патр[иаршего] Каз[енного] приказа вместо «Николая чуд[отворца]»

«Казанския Пресв[ятыя] Богородицы», в Блинниках, произошло не без причины, и 1698 г., близкий к 1701 показывает, что церковь была построена во имя Пресв[ятыя] Богородицы Казанския, – но был ли освящен храм ранее 1701 года, об этом мы сказать ничего не можем; выданный же в 1701 г. антиминс указывает, что церковь была готова к освящению именно в 1701 г. И текущий 1901 г. есть год 200-летнего юбилея церкви¹.

Священник Н. Романский возражает:

В истор[ических] изв[естиях] о всех церквах стол[ичного] гор[ода] Москвы 1796 г. (стр. 104 и 106), а также в географ[ическом] слов[аре] Максим[ова] и Щекотова 1801 г. (ч. 1, стр. 673) согласно с клировыми ведомостями сказано, что церковь «Казанския Пресв[ятыя] Богородицы, что на Покровке, в Клиниках, по сгорании в 1748 г., в следующем потом году вновь построена и освящена Гавриилом, архиепископом Устюжским». О возобновлении сей церкви в 1748 г. упоминают гг. Мартынов и Снегирев (Москва, подр[обное] истор[ическое] и археол[огическое] опис[ание] гор[ода]. Т. 1, стр. 65). Об этом же свидетельствует хранящийся в николаевской, в Кленниках, церкви и св[ятой] крест – серебряный с св[ятыми] мощами. На сем кресте имеется след[ующая] надпись: «Сей крест дан в погорелую церковь Николая Чудотворца, в Блинниках, от регистратора Алексея Иванова, 1748 г.» Есть известие, что на стене сей церкви была следующая надпись: «Сия святая церковь покрыта железом в 1740 г., а в 1748 г. выгорела вся и возобновлена подаванием христоролюбивых людей и освящена в 1749 г. июня 17 дня преосвящ[енным] Гавриилом, арх[иепископом] Устюжским». Из этих свидетельств несомненно явствует, что Николаевская, в Кленниках, церковь после 1701 г. была вновь построена и освящена в 1749 г.; конечно, был выдан в новопостроенную церковь и св[ятой] антиминс.

Таким образом, если отыскивать юбилейную дату Николаевской, в Кленниках, церкви в том виде, как она существует ныне, то следует остановить внимание не на 1701 г., но на 1749 г.

<...> На Маросейке росли клены, тогда урочище там церкви св. Николая было «в Кленниках», с устройением в Москве уличных решеток «на Покровке у решетки», с водворением клинников, делавших шпажные клинки, – «в Клиниках», с заведением близ церкви блинных – «в Блинниках», «в Блинной».

При этом замечательно, что с перестановкою или изменением букв от времени урочищные названия приняли совсем другое наименование: от сего обратились Кленники – в Блинники (Москва.

Подр[обное] истор[ическое] и арх[еологическое] опис[ание] города; изд[атель] А. Мартынов. Текст составлен Снегиревым. 1865. Т. 1, предис[ловие] XXIII и стр. 6–10).

Таким образом, самое древнее урочище церкви св[ятого] Николы было «в Кленниках», почему и клировые ведомости с конца 18 века совершенно правильно именуя церковь сию «в Кленниках»².

* * *

Любопытные соображения и выводы содержатся в статье рассмотревшего ту же тему современного исследователя В.А. Киприна:

Топоним «в Клиниках» появился не ранее 1701 года. До революции в различных церковных документах и деловой переписке он присутствует часто. В XVIII–XIX веках встречается также написание «в Клённиках». Оно обусловлено тогдашней неустойчивостью правила употребления букв «и» и «е» – к примеру: «Володимер» и «Владимир», «Дмитрей и Димитрий». Два «н» остались от первоначального «в Клиниках». Между тем многие краеведы и журналисты сфантазировали, что на месте церкви когда-то существовала кленовая роща.

А вот почему в «Клиниках»? Не от слова ли «клин»?

Церковь находится, повторим, на нечетной (левой) стороне Маросейки (Покровки). Покровка с ее продолжениями в черте Камер-Коллежского вала приводила к царской усадьбе Покровское-Рубцово, к мосту через Язу, а далее через Измайлово на Стромьинскую дорогу. С другой стороны старая дорога Стромьинка в Москве пролегла по современному Щелковскому шоссе, Большой Черкизовской улице, улицам Стромьинке, Русаковской, Краснопрудной, Комсомольской площади, Орликову переулку, Мясницкой улице, Большому Златоустинскому и Лучникову переулкам к Ильинским воротам Китай-города. Получается, что построенная в начале 1610-х годов Казанская церковь с Никольским приделом располагалась между двух древних дорог в черте Белого города – как бы в клине³.

В целом жизнь небольшого и весьма скромного по убранству храма протекала тихо и размеренно. Из событий XIX в. отметим следующие.

В 1810 г., как указывал в своей книге «Боратынский. Истинная повесть» известный филолог, историк литературы А.М. Песков, здесь отпевали отца будущего поэта Е.А. Боратынского, о чем вдова извещала через газеты: «Александра Федоровна Боратынская с душевным прискорбием объявляет о кончине супруга своего Абрама Андреевича, последовавшей сего марта 24 числа в 8 часов пополу-

ночи. Вынос тела и отпевание будет в приходской церкви Николая Чудотворца, что в Кленниках, марта 26-го, в 9-м часу»⁴.

Еще одно событие стало важным в истории Николо-Клёниковской церкви:

14 марта 1870 года в первый раз торжественно совершено в Николаевской, что в Кленниках, церкви празднование Феодоровской иконе Божией Матери, пожертвованной в 1869 году ноября 23 числа в храм святителя Христова Николая московскою почетною гражданскою Анною Васильевой Левиной, с испрошением у Его Высокопреосвященства дозволения священно-церковнослужителям означенного храма совершать празднование ей 14 числа марта ежегодно⁵.

Отныне с чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери многое будет связано в истории храма святителя Николая в Кленниках на Маросейке. Во время своего настоятельства здесь протоиерей Алексий Мечёв установит правило еженедельно служить пред этим образом молебен – правило, которое исполняется и в наши дни. Однажды накануне октябрьского переворота 1917 г. потрясенные богомольцы увидят, как из глаз Богородицы катятся слезы...

Заметим, однако, что другой список Феодоровской иконы Божией Матери находился в храме задолго до описанного выше торжества, т. е. на Маросейке и раньше молились перед этим образом. Вот фрагмент «Описи имуществу церковному Николо-Кленниковской церкви» 1840 г.:

Взди сей придельной церкви (имеется в виду Никольский придел. – А. Г.) между окон стоит большая икона Божией Матери Утоление Печали. <...> Против сей иконы над аркою вверху находится икона Феодоровския Божией Матери, на ней оклад медный высеребранный, а венец серебряный в 92 золотника 84-й пробы⁶.

Из того же документа следует, что почитание при старце Алексии и священномученике Сергии Мечёвых преподобного Феодосия Тотемского имело на Маросейке давнюю традицию:

У левого клироса (Никольского придела. – А. Г.) образ преподобного Феодосия Тотемского. На нем поля, оплечья и венец серебряные вызолоченные весом в 77 золотников 84-й пробы. При сем образе в особом месте хранится часть святых мощей сего преподобного Феодосия и часть Честныя Ризы Господа нашего Иисуса Христа в серебряном сверху вызолоченном ковчежце, в коем весу 61 золотник. Вклад г-жи Екатерины Матвеевны Копт 1820 года.

Кстати, опись проясняет до сих пор дискутируемый вопрос: пострадал ли храм во время оккупации Москвы наполеоновской армией. Пункт 27 документа гласит:

У левого клироса большая икона святителя Николая Чудотворца; на ней оклад и венец серебряный, последний и позлащен, и простыми синими и зелеными крупными камнями украшен. Над митрою крест из простых разноцветных камней. <...> На окладе сей иконы внизу высечена надпись, которую смотри на сем же листе... на обороте...⁷

Смотрим указанное примечание:

Надпись, высеченная на серебряном окладе иконы святителя Николая Чудотворца: «Молитвами изображенного на сей иконе святого чудотворца Николая сия серебряная риза, бывшая на сей иконе во время пребывания французов в Москве, не токмо сохранилась в совершенной целости от их хищничества, но и вся церковная утварь также осталась неприкосновенною в то самое время, когда все прочие святые храмы московские были ими совершенно ограблены». Сия надпись сделана при священнике сей церкви Георгии Львове, с 1809 года по 5 генваря 1830 года служившем при оной⁸.

Отсюда следует, что в 1812 г. грабители Николо-Кленниковский храм не тронули, а также то, что и пламя московского пожара его не коснулось (ибо в сгоревшем храме вряд ли пришлось бы констатировать «совершенную целость» ризы «от хищничества»).

* * *

Особую известность Маросейский храм приобрел в первые десятилетия минувшего века, когда его настоятелем был (с 1893 г.) старец Московский протоиерей Алексей Мечёв (1859–1923). Именно при нем еще в дореволюционный период начала складываться, а при его сыне, священномученике протоиерее Сергии Мечёве (1892–1942; служил на Маросейке в 1919–1923 гг.), окончательно оформилась Маросейской община, ставшая значительным явлением православной жизни Москвы.

Монахиня Иулиания (Соколова) отмечает:

...отец Алексей создал удивительную духовную общину в миру, действительно возродившую, как он и хотел, дух древней Апостольской Церкви. Отец Алексей и его община, впоследствии возглавленная его сыном, отцом Сергием Мечёвым, привлекли и объединили многих

замечательных людей – священников и мирян. Эта община одна из немногих выдержала времена самых страшных гонений и воспитала новое поколение ревностных служителей Церкви и благочестивых церковных людей, воспринявших дух подлинной, благодатной христианской жизни, которой научал отец Алексий⁹.

По словам очевидца, после революции, «в этот период общего гнева и раздражения отраднo было посещать тесный, скромный, но дышащий благодатной обстановкой храм святителя Николая на Маросейке, слушать службу и безыскусные проповеди отца Алексия, шедшие из глубины его души. Внимая постоянно горячему призыву батюшки к деятельной любви, кротости, прощению обид и замечая настойчивое указание на то, что спасение возможно при всякой обстановке, совершенно забывалось все грубо материалистическое, совершавшееся за стенами храма... а глядя на лицо отца Алексия, излучавшее неуловимый тихий свет радости, каждый ощущал подъем духа. <...> “Дух уныния”, с которым обыкновенно приходили в то время в храм молящиеся, бесследно исчезал здесь»¹⁰. Все больше людей устремлялось на Маросейку к старцу Алексию. Так умножалась и духовно крепла община Маросейского храма.

Опираясь на многочисленные свидетельства, мы можем с уверенностью утверждать: поистине беспримерная жизнеспособность Маросейской общины изначально была предопределена тем, что создал и окормлял ее не просто священник, но именно старец в миру, по духу равный оптинским подвижникам. Епископ Арсений (Жадановский) свидетельствует:

Отец Алексий перенес Оптину в Москву, заключил ее в свою многолюбивую душу и щедро раздавал приходящим к нему неоскудевающие благоуханные дары пустыни: смирение, радость, милость и дар даров – любовь¹¹.

Священник Павел Флоренский:

Маросейская община была по духовному своему смыслу дочерью Оптинской пустыни: тут жизнь строилась на духовном опыте¹².

В 1919 г. Патриарх Тихон благословил создание маросейского братства – чисто духовного (без официальной регистрации) объединения верующих вокруг старца Алексия Мечёва. Этим, в сущности, оказалось лишь констатировано существование задолго до того уже созданной «в духе» Маросейской общины.

Принявший после кончины старца Алексия храм и общину отец Сергей Мечёв продолжил дело родителя, параллельно формулируя ранее остававшуюся во многом еще не вербализованной, лишь «духовно постигаемой» суть того, что являла собой Маросейская община. По воспоминаниям, «Отец Алексей часто говорил, что его задача – устроить [на Маросейке] “мирской монастырь”»¹³. Этому следовал и отец Сергей, однако определение «монастырь в миру» (думается, не в последнюю очередь из-за возможности его неадекватных толкований) он заменил взятым из церковной практики Московской Руси гораздо более простым, однозначным понятием «покаяльная семья», внося сюда принципиальное уточнение: «Мы не только покаяльная, но и богослужбная семья. <...> Именно богослужбная»¹⁴, поскольку богослужение стояло на Маросейке во главе угла, обнимая собой и заключая в себе всю жизнь общины.

Протоиерея Сергея Мечёва арестовали 29 октября 1929 г. Начались скитания по тюрьмам, лагерям и ссылкам. Но он и там не терял связи со своими духовными детьми. И одной из его неотступнейших забот было сохранение и духовное возрастание Маросейской общины. В посланиях отца Сергея к пастве учение о «покаяльно-богослужбной семье» получает окончательное «словесное оформление»:

Мы не только покаяльная, но и богослужбная семья, я не только отец ваш, но и предстоятель церкви вашей, вы не только дети мои, но и сослужители. В нас редчайшая полнота, почти не встречающаяся... Я не нахожу ни в себе, ни в богослужении моего и вашего – все переплелось, все составило новый организм соборно совершающей служение духовной семьи. <...>

Понимали ли вы по-настоящему, что такое покаяльно-богослужбная семья? <...> Господь сочетал нас в ней воедино: в ней мы родились духовно, в ней воспитались, в ней купно живем, с ней, не иначе, пойдем и туда, к Богу. <...>

Дети мои! Ведь и наша семья от Господа! <...> Молитесь Господу, просите Его, чтобы снял с вас тесноту, замыкание в себе, чтобы получили вы расширенное сердце! <...> Тогда не глазами плоти, а очами сердца увидите вы собранных Господом вокруг вас чад Его, вашу семью. <...> *«Любите семью, служите ей», – так учил нас Батюшка»*¹⁵.

И Маросейская община именно потому, что представляла собой не просто приход, а «соборно совершающую богослужение духовную семью», «редчайшую полноту, почти не встречающуюся», в отличие от многих других общин и братств, не сгнула в своей сокровенной сущности ни с отъятием пастыря, ни с закрытием храма.

После закрытия храма святителя Николая в Клённиках в 1932 г. маросейцы «являлись членами различных приходов, участвовали в их жизни, пели на клиросе и вместе с тем имели тесную связь друг с другом и никогда не теряли молитвенной связи с отцом Алексием и отцом Сергием»¹⁶, сумев в самые тяжкие времена сохранить и передать потомкам «дух Маросейки», который живет и сегодня. Как сообщает справочник «Православная Москва» (1999), «Маросейская община, бывшая в 1910–1920-х годах одной из самых крепких в Москве, возродилась, лишь только храм был возвращен Церкви».

Примечания

- ¹ *Холмогоров Г., свящ.* Юбилейные церкви // Моск. церков. ведомости. 1901. № 20. С. 259–261.
- ² *Романовский Н., свящ.* Заметка к статье «Юбилейные церкви» // Там же. № 27. С. 326–328.
- ³ *Киприн В.А.* На Покровке, в Блинниках, в Клиниках, в Клённиках // Моск. журн. История государства Российского. 2014. № 9. С. 50–57.
- ⁴ *Песков А.М.* Боратынский. Истинная повесть. М., 1990.
- ⁵ Торжество в Николаевской, что Кленниках, церкви // Моск. епархиальн. ведомости. 1870. № 11. С. 6–7.
- ⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 624. Д. 49.
- ⁷ Опись имуществу церковному за 1840 г. Архив храма свт. Николая в Кленниках. Там же.
- ⁹ *Иулиания (Соколова), мон.* Жизнеописание московского старца отца Алексия Мечева. М.: Ред. журн. «Московский журнал. История государства Российского», 2011.
- ¹⁰ *Дурьлин С.Н.* Памяти отца Алексия. [Электронный ресурс] URL: www.klenniki.ru (дата обращения: 30.08.2016).
- ¹¹ *Арсений (Жадановский), еп. Серпуховской.* Воспоминания о замечательных московских протоиереях: О. Алексей Мечёв // Православный путь. 1987. С. 69–76.
- ¹² *Флоренский П., свящ.* Рассуждения на случай кончины о. Алексея Мечёва // Флоренский П. Соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 597.
- ¹³ *Иулиания (Соколова), мон.* Указ. соч.
- ¹⁴ «Вы – мой путь ко Христу». Проповеди, письма к общине, воспоминания чад священномученика Сергия Мечева / Сост. А.Ф. Грушина. М.: Правосл. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2009. С. 28.
- ¹⁵ «Друг друга тяготы носите...»: Жизнь и пастырский подвиг священномученика Сергия Мечёва: В 2 кн. Кн. 2: Беседы, проповеди, письма / Сост. А.Ф. Грушина. М.: Правосл. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2012. С. 441–459.
- ¹⁶ *Грубе А.А.* «Сын мой будет выше меня» // Моск. журн. 2005. № 8. С. 45.